

Знаменитые Земляки

«УНИКАЛЬНЫЙ талант», «гений в своем роде» — так определяют критики дарование народной артистки РСФСР Гликерии Васильевны Богдановой-Чесноковой. Каждое ее появление на сцене Ленинградского театра музыкальной комедии, где она работает более 30 лет, вызывает радостные аплодисменты зала. Знают ее танже теле- и кинозрители. Короче говоря, Гликерию Васильевну знают все, кому дорого радостное искусство оперетты.

КАК ВАЖНО БЫТЬ ВЕСЕЛОЙ

— Гликерия Васильевна, критик писал о вас: «Богданова-Чеснокова не может быть просто серьезной. Она может быть смешно-серьезной». А в жизни вы каная?

— Всякая. В жизни, знаете, все бывает, особенно в долгой, как моя. У меня ведь нынешний год — юбилейный, в мае исполняется семьдесят пять. Да-да, так и напишите, я своих лет не скрываю. И на сцене уже завершаю шестой десяток. Всякое случалось. Когда было голодно, и мне было голодно. Знаете, какая я худенькая была! В чем душа держалась, особенно первое время учебы — училась я в Школе русской драмы, которая тогда помещалась на улице Зодчего России.

А когда началась война, мы с мужем вступили во фронтовую бригаду Балтфлота. Выступали в Кронштадте, Ораниенбауме, на Ладого, на всех фронтах Балтики. Нас везде очень ждали.

Это была трудная жизнь. Помню, как ехали от Лисыего Носа в Кронштадт, сидя в открытом кузове грузовика на ящиках с костюмами. А ведь морозы в первую блокадную зиму были около сорока градусов...

Помню, мы надевали белые маскировочные балахоны, ложились на снег и попластунски ползли от одной позиции к другой. Остановиться, отдохнуть было невозможно: тотчас одежда примерзала к обледенелому снегу — не оторвать.

Вся наша бригада под руководством В. М. Бронской была награждена орденами Красной Звезды и медалями.

— Вы были в этой бригаде всю войну?

— Всю, до последнего дня. Мы дали более двух тысяч концертов и спектаклей.

В блокаду умерла моя мать. А уже после окончания войны, в 1945-м, скончался муж, Семен Иванович Чесноков. Можно сказать, блокада его настигла.

Так что, знаете, на вопрос о том, какой я в жизни человек — веселый или не очень, — мне трудно ответить. Другое дело, что никакое настроение не должно отражаться на актерской работе. Зритель привык смеяться, глядя на моих героинь, значит, он будет смеяться. Это вопрос профессионализма.

— В Театр музыкальной комедии вы пришли в 1946 году. Этот приход был закономерен? Вы всегда хотели работать в жанре оперетты?

— Нет. Всегда любила петь и танцевать, но актрисой оперетты? Не всегда. И по сей день думаю, что могла бы интересно работать в драматическом театре.

Ведь роли в оперетте, как правило, выписаны не слишком тонко. Это жанр синтетический, большое значение в нем имеют му-

зыка, танец. А психология героев, мастерские диалоги, острый конфликт, столкновение идей — все это, в общем, отдано на откуп драме. Всегда хотелось, да и сейчас хочется, настоящей драматической роли, но ее в моей творческой судьбе так и не случилось. Может быть, поэтому я так старательно ищу элементы жизненной правды в каждой своей роли. Цепляюсь за две-три фразы, стараюсь определить характер. И зрители это чувствуют. Если я в «Бабе-м бунте», например, не плачу настоящими слезами, то они и не смеются по-настоящему...

Знаете, не надо делать вывод, что я недовольна творческой судьбой. Я оперетту люблю, хорошо, когда люди смеются. Это ведь прекрасно, что зритель в оперетте просто отдыхает.

Однако драматургам и композиторам надо стремиться, чтобы советская оперетта была лучше, тоньше, умнее, веселее...

— Значит, вы приветствуете направление поисков, которые ведет главный режиссер театра Владимир Воробьев? В частности то, что он старается работать с хорошей литературой? Вам нравятся мюзиклы, поставленные в последние годы?

— Не все нравятся. Но в целом — приветствую. Мюзикл, видите ли, жанр молодых. Я редко в нем занята, тем не менее не

могу не отметить, что в некоторых из этих спектаклей актерам уже есть что играть, там есть драматургия, она глубже, серьезнее, чем обычно. Зато не всегда хороша музыка. Ведь в мюзикле ее роль иная, чем в оперетте. В оперетте музыка меньше связана с сюжетом, она самоцельно красива и требует от певца виртуозности. В мюзикле — не так, здесь попроще. Издержки, конечно, есть и там, и там... Однако Воробьев ведет поиск параллельно — он ставит и оперетту, и мюзикл. Думаю, так и должно быть.

— Недавно вы сыграли в самодеятельном спектакле с актерами-любителями Дворца культуры имени 1-й Пятилетки. Что привело вас туда?

— Не что, а кто... Мой партнер по сцене Арташес Араратян руководит этим коллективом. Я у них сыграла фрагмент из спектакля А. Петрова «Мы хотим танцевать»; тот, где моя героиня, примадонна Волна-Задунайская, исполняет свои куплеты. Партнерами моими были самодеятельные артисты, ребята, по моему, способные, вокально одаренные. Я общалась с ними с удовольствием.

— Ведь ваш творческий путь тоже начинался в самодеятельности.

— Да. Это было в 1918 году в Петрокоммуне, где я работала машинисткой. Знаете, что такое Петро-

коммуна? Эта организация ведала продовольственным снабжением голодающего Петрограда. Возглавлял ее Алексей Егорович Бадаев. Продовольственно-агитационные отряды рассылались по разным российским губерниям. Они заготавливали хлеб, боролись со спекулянтами, мародерами, мешочниками.

И вот, представьте себе, в это суровое время в клубе Петрокоммун на Адмиралтейской набережной работал самодеятельный драмкружок. Нас учили пению, танцам, сценическому движению, драматическому искусству. Уроки давали видные артисты Тартаков, Преображенская, Давыдов, Мичурин-Самойлова, Софронов...

В Школу русской драмы я поступила уже оттуда и на вступительном экзамене читала монолог Плюшкина, подготовленный в клубе. Члены приемной комиссии очень смеялись. Удивлялись: «Девочка-комик!» И приняли.

— Так и определилось ваше комическое амплуа? Раз — и навсегда?

— Да, наверное, можно считать, что навсегда.

— И не было в творческой судьбе удивительных случайностей?

— Были, конечно, как и в любой судьбе, случайности. Некоторые из них можно считать удивительными. Могу рассказать об одной. Она, правда, не меняла круто мою жизнь, но вспоминать ее я люблю, в ней есть что-то от сказки.

Это было 18 декабря 1923 года. Я училась тогда в Школе русской драмы и выходила в массовках Александринки. Шел в тот вечер «Мещанин во дворянстве» Мольера. Мы сидели за кулисами, болтали. И вдруг выясняется, что исполнительница роли Люсилы, актриса Нина Усачева, не явилась в театр и дома ее нет. И заменить спектакль было невозможно — зал уже заполнен публикой, все ждут.

И вот, представьте, как в книжке или кино, сыграть эту роль предложили мне. Юрий Михайлович Юрьев говорит: «Иди, одевайся, гримируйся, тебе тем временем начитают текст... Выручай. Ты пьесу знаешь?»

Я пьесу знала, но текст не знал — нет...

Тем не менее на сцену я вышла — и даже не очень волновалась. Суфлеры тогда были прекрасными мастерами своего дела, особенно в Александринке. Каждое слово я слышала, вот как теперь по телефону. Я играла, старалась импровизировать, слышала смех в зале...

И не знала, что в театр

уже прибежала перепуганная Нина Усачева. Она, оказывается, перепутала расписание спектаклей и спокойно пошла в другой театр смотреть работу своего мужа-постановщика. В антракте от кого-то из знакомых она узнала о своей ошибке... Но на сцену ей выйти не разрешили, и я сыграла весь спектакль. Шуму было! От руководства Александринки я получила тогда письменную благодарность за подписью Ю. М. Юрьева. Храню ее до сих пор.

— Гликерия Васильевна, с артистами-любителями вы играли сцену из спектакля «Мы хотим танцевать». Но в этой сцене у вас не только куплеты, но и танец, каскад, который вы, по общему мнению, выполняете виртуозно. Как вы поддерживаете такую танцевальную форму?

— Ну, во-первых, танцевать я училась серьезно, и школа у меня неплохая. А чтобы поддерживать форму, стараюсь все время двигаться. У меня нет специальной гимнастики или еще чего-то в этом роде. Мой тренаж — движение. Не сидеть, не быть вялой, не есть много. После шести вечера стараюсь вообще не есть. Все это, кстати, я посоветовала бы любой женщине, не только актрисе.

Что же касается каскада моей Матильды Волны-Задунайской, то я люблю этот номер, хотя он требует много сил. Но когда я на сцене, у меня вообще ничего не болит. Я все забываю.

— Гликерия Васильевна, в начале нашей беседы вы говорили о серьезной драматической роли, которую хотели бы сыграть. Не можете ли назвать конкретнее, каная эту роль?

— Я так сказала — «серьезная драматическая роль»? Не могла я так сказать. Вот вы небось ожидали, что Богданова-Чеснокова скажет: «Хочу Вассу Железнову или Инкену»? Так вот: ничего подобного. Действительно, комические актеры часто признаются, что хотели бы сменить амплуа и попробовать себя в чем-то другом. Есть и примеры такие: Юрий Никулин, например, Людмила Гурченко...

Я — актриса комедии. И роль хотела бы сыграть комедийную. Но это должна быть умная роль в хорошей советской пьесе. Пусть в ней будет и хорошая песня.

Знаете, оглядываясь вокруг и видишь столько чудесных, славных женщин, о которых можно рассказывать с экрана и со сцены. Причем рассказать в любом жанре, в том числе и в комедии, дефицит которой, по моему, остро ощущается. Зрители привыкли смеяться, глядя на Богданову-Чеснокову? И прекрасно, я рада. Не к лицу мне как-то мечтать о дерзостях с фронта комедии...

Беседу вел
А. Андреева
Фото А. Петрова